

тысяча и одна Встреча

Анны АМЕЛЬКИНОЙ
Тел: (095) 257-54-64

Владимир Этуш

смывал с сексотов ретушь

НЕДАВНО Московский театр оперетты отпраздновал свой юбилей. За это время не раз сменились правители и директора театра, ушли в прошлое обвинения в буржуазности жанра и политическая цензура. Но одно осталось неизменным - оптимизм, легкость, молодой задор и очереди в кассы перед началом любого спектакля. Остались и забавные истории, которые происходят не на сцене, а за кулисами и передаются из уст в уста.

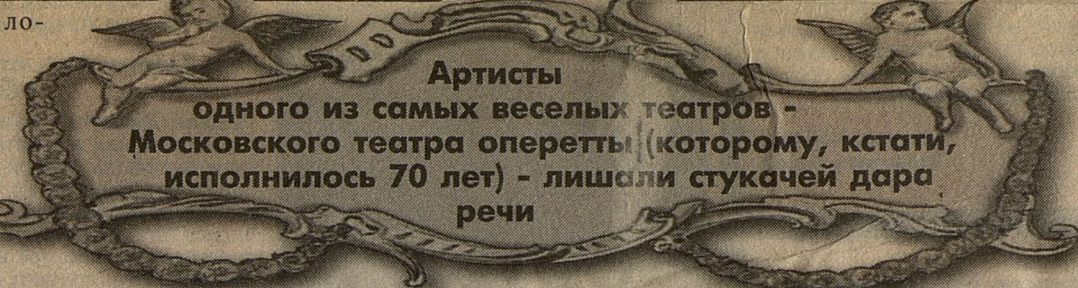
Заслуженный артист России Николай КОРШИЛОВ сам до недавнего времени был актером Московской оперетты. А также сценаристом, режиссером и коллекционером забавных историй.

- Николай Николаевич, как давно вы собираете свою коллекцию?

- Еще со студенческих времен, когда я учился в Театральном училище имени Щукина. И проходил практику в Театре Вахтангова. Там-то и произошла первая история, положившая начало моей коллекции... В театре служил посредственный актер, чье основное амплу было стукач. Многие об этом знали. И вот однажды стоит этот актер в комнате отдыха и, склонившись над аквариумом, внимательно наблюдает за рыбками. К нему подходит Этуш и, кивая на рыбок, сочувственно так спрашивает: «Молчат?..». Разумеется, «секретный» артист затаил на Этуша злобу и искал повод ему отомстить. И вот долгожданный момент настал. Группа артистов, в числе которых был и Этуш, вернулась в театр после шефского концерта, который по традиции заканчивается банкетом. Этуш, человек непьющий, одну-две рюмочки себе все-таки позволил. Сексот принахался и с ехидцей победителя отметил: «Что-то вы, товарищ Этуш, сегодня не в форме...». «Да и вы сегодня в штатском...» - мгновенно «срезал» Этуш.

- Николай Николаевич, не знаю, как сейчас, а раньше приход в театр властей предержавших было большим событием. Чей визит из тогдашних августейших поклонников оперетты запомнился больше всего?

- Конечно же, дорогого Леонида Ильича! Его привезли посмотреть оперетту «Пусть гитара играет», действие которой происходило в Новороссийске, на «Малой земле». Разумеется, все театральное начальство собралось в своей ложе, аккуратно напротив правительственной, и с волнением следило за малейшей реакцией САМОГО. Но чем пристальнее руководство вглядывалось в дорогие черты, тем большее волнение и удивление его охватывало. Брежнев совсем не обращал внимания на сценическое действо. Он упорно смотрел куда-то в глубь своей

Артисты
одного из самых веселых театров -
Московского театра оперетты (которому, кстати,
исполнилось 70 лет) - лишали стукачей дара
речи

жи. Так закончился первый акт. Начался второй. Генсек по-прежнему не хотел умиляться, вспоминая свою боевую молодость. Тут произошло нечто неожиданное. Из той самой «ложной» глубины, куда так упорно вглядывался Леонид Ильич, донесся знакомый до боли голос Николая Озерова: «Го-ол!». Всем сразу полетало. Брежнев, оказывается, смотрел футбольный матч между днепропетровским «Днепром» и московским «Спартак». Так Николай Николаевич Озеров исполнил свою лучшую арию в Театре оперетты.

- Что греха таить, случается, актеры забывают слова. В обычных пьесах это не очень заметно. Но вот как выходят из положения в оперетте, ведь здесь музыка, ритм, любой «ляп» сразу заметен...

- У нас до сих пор помнят один такой случай с актрисой Верой Вольской... В песенке Элизы из мюзикла «Моя прекрасная леди» есть слова: «Ночь, ночь, не хочется мне спать. Я не засну, кружится голова. Нет, нет, не лягу я в кровать. Слышу сердцу милые слова: я танцевать хочу, я танцевать хочу до самого утра...». Казусы с Вольской случались постоянно, и актеры к этому уже привыкли: если на сцене воцарялась незапланированная пауза, мы выразительно смотрели на Веру, а суфлер уже не шептал, а истошно вопил, подсказывая ей. Но случай с этой песенкой Элизы превзошел все наши ожидания. Концерт шел без суфлера, поэтому сразу после вступ-

ления из уст нашей ветреницы пошло: «Нет, нет, не лягу я в кровать. Нет, нет, не лягу я в кровать» - и так на протяжении всего первого куплета. Честно говоря, мы все надеялись, что за время проигрыша между куплетами ей взбредет в голову что-нибудь помимо кровати, но не тут-то было! Она и во втором куплете упорно не желала укладываться. Наконец, наш концертмейстер Виктор Леонидович Сац не выдержал и, обернувшись в кулисы, философски отметил: «Она так сопротивляется, как будто ее кто-то сильно уговаривает...».

- Я слышала, что Ростропович одно время работал с коллективом вашего театра. Какое впечатление он произвел?

- Незабываемое! Мстислав Леопольдович ставил у нас «Летучую мышь». В процессе репетиций ради достижения необходимого результата он часто прибегает к весьма образным сравнениям. Когда, например, солисту требовалось перейти от «форте» к «пиано», он говорил: «Откати лафет». Однажды актеры репетировали знаменитое трио из первого акта, рефрен которого начинается со слов: «За что, за что? О Боже мой!..». Ростропович требовал, чтобы актеры после первого «за» делали не большой люфт - воздушную паузу. Однако это не удавалось. Наконец, Ростропович не выдержал: «Представьте себе, что вы пришли с 30-градусного мороза и с холодной жопой ухнули в горячую ванну - «за... что, за что...». Самое интересное, что после такого сравнения все запели так, как того требовал маэстро...

- Московская оперетта ассоциируется с именем Татьяны Ивановны Шмыги. Вы не могли бы припомнить историю, связанную с ней?

- Как-то мы играли с Татьяной Ивановной в спектакле «Конкурс красоты». По ходу действия она мне, должна была влить звонкую оплеуху. А надо сказать, все, что делает Татьяна Ивановна, все очень... основательно, от ду-

ши. Так вот... из спектакля в спектакль Шмыга регулярно залепляла мне такие оплеухи, что аж слезы из глаз. Я терпел-терпел, но однажды решил над ней подшутить. Густо-густо напудрил лицо, и когда Шмыга влепила мне свою фирменную оплеуху, на моем поднялось целое облако пудры. А так как Татьяна Ивановна человек очень смешливый, то следующая сцена - причем очень серьезная - была практически сорвана: Шмыга всю ее просто прохохотала... Но самое занятное, в течение всех десяти лет, что шел спектакль, она продолжала лупить меня, но с еще большей ударной силой.

- А сами вы теряли серьез на сцене?

- Во втором акте «Летучей мыши» есть куплеты Адели, а в них слова: «Однажды дарит мне КОЛЬЦО одно высокое лицо, а я КОЛЬЦО его беру и горничной дарю...». И вот как-то на одном из спектаклей Лилия Амарфий спела: «Однажды дарит мне ЯЙЦО одно высокое лицо, а я ЯЙЦО его беру и горничной дарю...». Можете представить, что со мной было. Я буквально упал за кулисы.

- Вы попадали в двусмысленные положения на сцене?

- Однажды я попал в практически безвыходное положение. Нас с той же Лилией Амарфий пригласили в Кремлевский Дворец съездов исполнить на банкете, который давало Политбюро в честь очередной годовщины Октябрьской революции, дуэт из оперетты «Самое заветное». На музыкальном проигрыше я обращаюсь к героине с просьбой ее поцеловать. На что она отвечает: мол, неудобно, народ вокруг. Я же, глядя в кулисы: «Да нет же никого!». Она, естественно, стесняется, а потом, поколебавшись, спрашивает, показывая в зал: «А они?». «Да чего они понимают!» - отмахиваюсь я, и мы целуемся. На всех концертах последняя реплика не вызвала никаких сомнений, но тут... перед нами должны были сидеть не простые зрители, а высшие руководители партии и правительства. И заявлять им, что они ничего не понимают, было бы слишком смело. Признаюсь честно, накануне концерта я не спал ночь, пытаясь найти выход из положения. И нашел! Когда дело дошло до роковой реплики, я широко улыбнувшись Брежневу, Суслову и другим членам Политбюро, раскрыл им дружеские объятия и вместо «Чего они понимают» с нахальным амикошонством залепил: «Да это ж все свои!». Первым, как ни странно, заплотировал главный идеолог Суслов. А за ним - и все остальные.

Фото
Виктора СЕНЦОВА.

Артистка Лилия Амарфий до сих пор вздрагивает при слове «яйцо»...

Коршилов Николай

18.12.98